

ИЗЪ ДАВНИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

1.

Капитанъ Платовъ.

Генераль-вагенмейстеръ гвардейскаго корпуса Соломка, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, въ Петербургѣ, получилъ отъ княгини Г. письмо въ такомъ родѣ:

«Податель этого письма, Кавказскій герой, капитанъ Апшеронскаго полка Платовъ, прибылъ на дняхъ въ Петербургъ съ рекомендательнымъ ко мнѣ письмомъ отъ княгини Орбелъяни, которой впрочемъ я совсѣмъ не знаю; княгиня поручаетъ его моему покровительству. Онъ былъ въ плѣну у Шамиля нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, бѣжалъ около полугода назадъ. Теперь онъ желалъ бы вновь поступить на службу, но уже не строевую, а какъ человѣкъ израненный, куда нибудь городничимъ и быть причисленнымъ къ комитету о раненыхъ. Вчера я пригласила капитана Платова на вечеръ; онъ расстрогалъ до слезъ меня и всѣхъ моихъ гостей разсказами о страшныхъ бѣдствіяхъ, перенесенныхъ имъ въ плѣну. Не знаю, чтѣ я могу для него сдѣлать, а потому поручаю его милостивому вашему вниманію».

Соломка, прочитавъ письмо, велѣлъ позвать въ кабинетъ подателя.

Вошелъ довольно представительной наружности офицеръ лѣтъ 40, съ рукою на перевязи, массою орденовъ на груди (въ томъ числѣ и св. Георгія) и въ папахъ.

— Рекомендуюсь вашему превосходительству—капитанъ Апшеронскаго полка Платовъ.

— Очень радъ познакомиться съ однимъ изъ нашихъ Кавказскихъ богатырей, отвѣчалъ Соломка, протягивая ему руку.

— Прежде всего, ваше превосходительство, позвольте мнѣ присѣсть: тяжело стоять солдату, чуть не всю кровь свою пролившему за Царя и Русь Святую.

Соломка схватилъ его за обѣ руки и усадилъ въ мягкое кресло.

— Очень радъ, что на мою долю выпало быть вамъ полезнымъ, по мѣрѣ моихъ силъ. Но что я могу для васъ сдѣлать? Чего вы хотите?

— Куска хлѣба, ваше превосходительство, куска хлѣба! Какъ попавшій въ плѣнъ, я былъ исключенъ изъ списковъ полка Высочайшимъ приказомъ, но какъ возвратившійся, вновь въ полкъ не зачисленъ. Но я этого и не добиваюсь: я не могу уже служить въ полку; желалъ-бы однако быть зачисленнымъ по арміи, съ назначеніемъ городничимъ въ одинъ изъ подмосковныхъ городовъ и съ отпускомъ мнѣ пенсіи за раны. Я знаю, что значить хлопотать въ столицѣ: нашъ чудобогатырь Николай добрый Царь, но чтобы до его слуха долетѣлъ голосъ истинной нужды, надобна особая протекція; а у меня, боеваго кремня, никакой протекціи нѣтъ, и я скорѣе околѣю съ голода, чѣмъ дождусь къ себѣ милости царской. Такъ вотъ я и рѣшился искать пути, по которому могъ бы попасть къ Наслѣднику, Александру Николаевичу, человѣку съ великою, истинно-русскою душою. Его Высочество принялъ бы къ сердцу мои страданія и великодушно отеръ-бы мои слезы. Не можете ли вы, ваше превосходительство, открыть мнѣ милосердія двери къ сердцу Его Высочества?

— У Его Высочества, какъ у главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, я имѣю доклады по Четвергамъ. Завтра, стало-быть, мой докладной день, и я испрошу соизволеніе Государя Наслѣдника на принятіе васъ въ назначенный день. Отвѣтъ Его Высочества я сообщу вамъ завтра же. Вы потрудитесь пожаловать ко мнѣ завтра въ пять часовъ на тарелку супу.

— Покорнѣйше благодарю за честь, ваше превосходительство, постараюсь воспользоваться приглашеніемъ, ежели дозволить мои докучливыя раны.

— Есть у васъ, капитанъ, какіе-нибудь документы о вашемъ званіи? спросилъ Соломка.

— Какіе-же могутъ быть документы у человѣка бѣжавшаго изъ плѣна? Есть только краткая выписка о моей службѣ до плѣна, составленная мною изъ памяти, совершенно частнымъ образомъ. Слава Богу, что мои герои-товарищи помогли мнѣ одѣться и дали возможность доѣхать до Петербурга.

Капитанъ Платовъ очень фамильярно раскланялся съ генераломъ и ушелъ.

На другой день Соломка пригласилъ къ обѣду нѣкоторыхъ изъ высокопоставленныхъ лицъ и дамъ, предупредивъ ихъ, что имъ предстоитъ услышать очень занимательный рассказъ одной замѣчательной личности.

На утреннемъ докладѣ Соломка доложилъ Его Высочеству о капитанѣ Платовѣ.

— Миѣ уже сказывали о немъ, отвѣчалъ Государь Наслѣдникъ. Говорятъ, онъ произвелъ фуроръ у княгини Г. Очень радъ помочь ему, въ чемъ могу. Пусть онъ представится миѣ въ Воскресенье, послѣ обѣдни.

На обѣдѣ къ Соломкѣ съѣхалось гостей человѣкъ двадцать; всѣмъ имъ хозяинъ представилъ Платова, и всѣ обласкали несчастнаго. Къ концу обѣда одна изъ дамъ попросила его рассказать о пребываніи въ плѣну у Шамиля.

— Ахъ, графиня, началъ Платовъ, при одномъ воспоминаніи объ этомъ ужасномъ времени морозъ подираетъ у меня по кожѣ. Послѣ несчастнаго для насъ дѣла на Алазани, я лежалъ въ кустахъ, прострѣленный въ грудь навылетъ и исходилъ кровью. До слуха моего долетали страшные крики нашихъ раненыхъ, которыхъ добивали мюриды.

— О, Боже, какое варварство! воскликнула одна дама.

— Да, сударыня, продолжалъ Платовъ: нашихъ раненыхъ надобно немедленно убирать съ поля битвы, потому что горцы какъ имъ, такъ и убитымъ, отрѣзають головы и представляютъ Шамилю, за что и получаютъ награды. Такъ вотъ-съ на меня налетѣли три мюриды, но, узнавъ во мнѣ офицера, захотѣли живымъ представить меня Шамилю. Каждый изъ нихъ желалъ завладѣть мною, и потому меня начали тлщить въ разныя стороны за руки и за ноги, покуда самый здоровенный изъ нихъ не завладѣлъ мною, оттолкнувъ прочихъ и пригрозивъ имъ кинжаломъ. Осмотрѣвъ мою рану, мой обладатель засунулъ въ нее шомполомъ какую-то траву, не то табакъ, не то полынь, которая начала меня ужасно жечь, потомъ заткнулъ рану пыжомъ отъ заряда, схватилъ меня, перекинулъ поперекъ сѣдла, крѣпко приторочилъ арканомъ и вмѣстѣ съ прочими отправился въ путь. На мои страданія дикарь не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Голова моя висѣла какъ гиря, руки и ноги болтались и сводились судорогами. Я просилъ хоть капли воды, но Черкесъ не понималъ меня, и когда я начиналъ очень стонать, онъ крѣпко стегалъ меня нагайкою и заставлялъ молчать. Смерть моя приходила... я чувствовалъ, что умираю и, наконецъ, лишился чувствъ.

Всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ; казалось, былъ слышанъ полетъ мухи; однѣ дамы нервно дрожали, другія утирали глаза платками.

— О, несчастный мученикъ! замѣтилъ кто-то изъ мушкетеровъ. Пожалуйста продолжайте.

— Долго ли длился мой обморокъ, я не знаю, продолжалъ Платовъ; но я очнулся въ холодной водѣ. Мюриды переправлялись вплавь чрезъ какую-то горную рѣчку; я непременно захлебнулся бы, еслибы не былъ въ обморокъ; но я пришелъ въ себя только тогда, когда лошади выскочили на противоположный берегъ и начали отряхиваться. Горцы остановились на привалѣ, сгребали лошадей и пустили ихъ пастись; меня мой варваръ положилъ на траву, сѣлъ подлѣ меня и началъ грабить: сорвалъ мои ордена и медали, золотой крестикъ съ шеи, снялъ съ пальца кольцо покойной матери и забралъ часы и всѣ деньги, какія при мнѣ имѣлись. Потомъ онъ далъ мнѣ сухую лепешку, чурекъ по ихнему, и напоилъ теплою и мутною рѣчною водою. Въ этомъ состоялъ мой завтракъ, обѣдъ и ужинъ въ длинный знойный лѣтній день.

— Бѣдный! бѣдный! слышались голоса за столомъ. Дальше, дальше, капитанъ! Это въ высшей степени интересно!

— Дальше сударыня?... Дальше что разъ, то хуже! Цѣлую ночь и еще цѣлый день везли меня переброшеннаго чрезъ коня и привязаннаго арканомъ. Мюриды пробовали посадить меня за собою верхомъ и приторочить за ноги, но я былъ такъ слабъ, что валился какъ снопъ. Наконецъ, къ вечеру другаго дня мы прибыли въ аулъ Шамиля. Насъ встрѣтило много женщинъ и нашихъ плѣнныхъ Русскихъ солдатъ. Женщины начали бить меня, плевать въ лицо и драть за волосы; никто не мѣшалъ такому ихъ удовольствію; особенно больно доставалось мнѣ отъ тѣхъ женщинъ, которыхъ родные погибли въ битвѣ. Шамиль вышелъ, осмотрѣлъ меня и черезъ переводчика, нашего бѣглаго солдата, началъ меня допрашивать. При всякомъ отвѣтѣ, который Шамиль находилъ почему либо неискреннимъ, я получалъ отъ переводчика ударъ плетью. Убѣдившись, наконецъ, что я ровно ничего въ Россіи не имѣю и что меня выкупать некому, Шамиль приказалъ заковать меня въ кандалы, помѣстить вмѣстѣ съ прочими плѣнными, лѣчить рану, а по излѣченіи употреблять на тяжелыя работы, наравнѣ съ другими.

— Счастіе еще, что хоть велѣлъ лѣчить! замѣтила одна изъ дамъ.

— Охъ, сударыня! Лучше бы меня эти варвары не лѣчили! Ни такъ не пользовали, какъ пользовали меня. Въ рану мою

каждый день всаживали какія-то жгучія травы, о которыхъ я уже говорилъ вамъ и шомполомъ впихивали грязную тряпку, которую на другое утро вынимали, покрытую гноемъ и кровью, выполаскивали, и опять, такимъ же способомъ, забивали въ рану.

— Очень примитивный способъ лѣченія! отозвался кто-то.

— И оригинальный! добавилъ другой.

— И что-же? Залѣчили вашу рану? спросилъ хозяинъ.

— Вообразите, ваше превосходительство, чрезъ мѣсяцъ она зажила снаружи; не менѣе того однакоже я до сихъ поръ страдаю отъ нея ужасно: травы ли остались въ ней, или тряпка еще не перегнившая, не могу понять. Но позвольте продолжать. Помѣщалось насъ человекъ пятнадцать въ одной темной саклѣ; спали мы, скованные, на голой землѣ; бѣлья разумѣется не мѣняли; насъ поѣдомъ ѣли разныя насѣкомыя; какіе-то жучки и муравьи осыпали все тѣло, пауки и даже жабы прямо вскакивали на лицо; между тѣмъ, кандалы содрали намъ всю кожу съ ногъ и рѣзали голыя кости. Не смотря на то, насъ заставляли работать наравнѣ съ рабочимъ скотомъ, впрягали въ телѣги и сохи человекъ по десяти и когда мы изнемогали отъ усталости, то жестоко били и истязали до крови. Мы умирали и отъ голоду. Кормили насъ падалью: кусокъ вонючей, палой лошади или барана кидали намъ разъ въ день, и мы должны были сами варить или жарить эту падалю и ѣсть безъ хлѣба и безъ соли, большею частію въ полусыромъ видѣ, потому что намъ не давали времени сварить ее. Конечно, мы заболѣвали отъ этой пищи, но не смѣли жаловаться на болѣзнь; иначе насъ колотили не на животъ, а на смерть, и многіе умирали подъ нагайками.

— О, Боже! крикнула одна дама, заливаясь слезами.—Ради Создателя не продолжайте, или я упаду въ обморокъ.

Даму дѣйствительно увели изъ-за стола.

— Вы не пытались прежде никогда бѣжать изъ плѣна? спросилъ хозяинъ.

— Охъ! дорого намъ стоила эта попытка.... Стража наша чуть не каждый день повторяла намъ приказаніе Шамиля, что за попытку бѣжать насъ ждетъ самая лютая казнь, именно содраніе кожи. Конечно мы боялись и думать о попыткѣ къ свободѣ. Но всякому терпѣнію есть конецъ, и мы предпочли смерть тяжкому рабству. Шамиль предпринялъ огромный набѣгъ на наши предѣлы и выбрался въ походъ недѣли на двѣ. Между нашими плѣнными нашелся солдатикъ, который началъ насъ подстрекать къ побѣгу, зная, что съ выступленіемъ Шамиля въ походъ, стража наша совѣмъ за нами смотрѣть не станетъ. Многіе не соглашались; но человекъ шесть или семь, въ

числѣ ихъ и я, рѣшились бѣжать, съ тѣмъ, что еслибы, паче чаянія, мы попались въ руки Черкесамъ, то лишимъ себя добровольно жизни, бросившись съ утеса въ пропасть. Стража, по пыступленіи Шамиля, дѣйствительно бросила насъ, и даже не давала намъ ничего ѣсть. Намъ удалось разбить наши кандалы, и мы ждали только благопріятнаго случая. Солдатики увѣряли насъ, что отлично помнятъ дорогу и поведутъ въ сторону противоположную той, въ которую направился Шамиль. Вотъ-съ темною ночью выползли мы изъ сакли, не слушая убѣжденій оставшихся на мѣстѣ болѣе трусливыхъ товарищей; всю ночь пробирались осторожно, держась другъ за друга. Утро застало насъ далеко отъ мѣста нашего плѣна. Мы прилегли отдохнуть въ кустарникѣ, на высокой площадкѣ надъ страшною бездною.

— Страшно становится, чѣмъ это кончится? прорвалъ одинъ изъ мужчинъ.

— Увы, страшно и кончилось! Стража наша, свѣдавъ чрезъ ренегата о побѣгѣ, начала пытками допрашивать оставшихся товарищей, въ какую сторону мы отправились и исторгла признаніе. Скоро стража насъ достигла. Согласно уговору, мы побѣжали на край утеса и начали соскакивать въ бездну; четыре человека успѣли убитися на смерть, а трое, пораженные меткими пулями, упали не достигнувъ утеса. Одинъ былъ убитъ пулею въ голову наповаль, другому прострѣлена нога, а мнѣ раздроблено плечо. Черкесы какъ молнія налетѣли на насъ и начали жестоко бить нагайками. Пытались было спуститься въ бездну, чтобы достать хотя головы погибшихъ, но это имъ не удалось. Тогда, отрѣзавъ голову убитому и, связавъ насъ двоихъ арканами, буквально поволокли въ аулъ. Не помогли ни мольбы, ни слезы! Насъ тащили какъ кули соломы; объ острые камни мы сорвали себѣ почти всю кожу. Товарищъ мой былъ счастливѣе меня: въ аулъ притащили его уже мертвымъ и потому сбросили со скалы на сѣдненіе шакаламъ. Меня же раздѣли и начали жестоко сѣчь по израненному и окровавленному тѣлу, покуда я не лишился чувствъ. Тогда меня опять заковали въ кандалы и оставили до рѣшенія Шамиля.

Еще двѣ-три дамы, залившись слезами съ нервными всхлипываніями, ушли изъ-за стола.

— Помилуйте, ваше превосходительство, сказалъ капитанъ Платовъ:—позвольте мнѣ не продолжать, или я всѣхъ вашихъ гостей разгоню моимъ рассказомъ.

— Сократите вашъ рассказъ, г. капитанъ, возразила на это одна княгиня, но все-таки кончите и выпустите страшныя подробности.

— Миѣ немного остается досказать, господа. Шамиль приказалъ было, согласно обѣщанію, содрать съ меня живаго кожу; но какая-то женщина—говорятъ мать Шамиля,—на колѣняхъ вымолила миѣ прощеніе, и онъ приказалъ дать миѣ пятьсотъ нагаекъ, а потомъ приковать за шею къ столбу... Много лѣтъ провелъ я съ цѣпью на шеѣ, покуда, наконецъ, вторично не рѣшился бѣжать; но еслибы я опять попался, то вотъ этимъ самымъ кинжаломъ, который укралъ я до побѣга, я поразилъ бы себя въ сердце и живой въ руки ни за что бы не дался. Но Богъ спасъ меня. Долго, долго шелъ я, самъ не зная куда, шелъ только ночью и вдругъ очутился на берегу Каспійскаго моря... Добрые люди довели меня до Ленкорана, и вотъ я на родинѣ! Руку мою залечили; она срослась, но я ею не владѣю.

Все общество было очаровано рассказомъ; мужчины и дамы перерывъ другъ предъ другомъ предлагали капитану Платову свою протекцію, а нѣкоторые общались сегодня же на вечерѣ передать рассказъ этотъ Ихъ Высочествамъ.

Между тѣмъ капитанъ Платовъ, убѣжденный, что Его Высочество сегодня же объ немъ узнастъ болѣе подробно, рѣшился, не ожидая Воскресенья, явиться къ нему завтра же, т. е. въ Пятницу. Онъ отправился прямо къ Наслѣднику и велѣлъ о себѣ доложить. Адъютантъ сначала не рѣшался; но, зная изъ вчерашняго рассказа, кто такой Платовъ, доложилъ. Его Высочество приказалъ немедленно принять его и вышелъ къ нему съ супругою и съ сыномъ Николаемъ Александровичемъ, имѣвшимъ тогда семь или восемь лѣтъ.

— Простите, Ваше Императорское Высочество, началъ Платовъ, Русскому человѣку, что онъ прямо обращается къ сердцу Русскаго Царевича и безъ спроса восходитъ на ту широкую лѣстницу, которая открыта для богатаго и бѣднаго, для счастливаго и несчастнаго.

— Здравствуйте, Платовъ! отвѣчалъ съ безграничною добротою своею Александръ Николаевичъ. Я знаю уже вашу исторію; намъ передали почти дословно рассказъ вашъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которые перенесли вы въ плѣну. Богъ спасъ васъ для того, чтобы наградилъ Царь; и я вашъ ходатай.

— О, благодарю васъ, Ваше Высочество, будущій великій Русскій Царь. Одно ваше слово сдѣлаетъ для меня въ одинъ день то, на что нашей канцелярской рутинѣ нужны мѣсяцы.

— Я сегодня доложу о васъ Государю.

— Да воздастъ вамъ Господь сторицею, Ваше Высочество!

— Вы чего же хотѣли бы на первый разъ?

— Полной пенсіи за раны и мѣста городничаго въ одномъ изъ подмосковныхъ городовъ.

— Есть у васъ какіе нибудь документы о вашемъ званіи?

— Какіе же, Ваше Высочество, могутъ быть у меня документы послѣ моего плѣна? Вотъ краткая записка о моей службѣ, составленная совершенно частнымъ образомъ, на основаніи однихъ моихъ воспоминаній.

Его Высочество взялъ записку, поѣхалъ въ Зимній дворецъ и разсказалъ Государю все, что зналъ о Платовѣ. Государь также близко къ сердцу принялъ печальную повѣсть возвратившагося плѣнника, передалъ записку дежурному гоноралу Главнаго Штаба Его Величества генераль-адъютанту П. Н. Игнатьеву и повелѣлъ найти Платову просимое мѣсто въ одномъ изъ подмосковныхъ городовъ, о чемъ и составить скорѣе докладъ.

Случилось, что въ тотъ же день, въ числѣ прочихъ, Государь изволилъ принимать и командира Апшеронскаго полка.

— Ты слышалъ, спросилъ его Государь, твой Платовъ вернулся изъ плѣна? Онъ нѣсколько дней уже въ Петербургѣ.

Полковой командиръ пришелъ въ неподдѣльный восторгъ.

— Слава Богу, Ваше Императорское Величество, что онъ живъ! До сихъ поръ всѣ были убѣждены, что онъ убитъ въ плѣну...

— Развѣ онъ къ тебѣ не являлся?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество; вѣроятно онъ не знаетъ, что я здѣсь.

Это было въ Пятницу, какъ сказано выше.

Въ Субботу Платовъ зашелъ къ генералу Соломкѣ узнать, что слышно по его дѣлу. Соломка сказалъ, что записка его передана лично Государемъ дежурному генералу, съ тѣмъ, чтобы онъ скорѣе составилъ Высочайшій докладъ.

Въ Воскресенье Платовъ опять затесался къ Наслѣднику и сказалъ:

— Ваше Высочество! Чего я боялся, то и случилось: дѣло мое попало въ Главный Штабъ, и теперь пойдетъ долгая канцелярская процедура; а между тѣмъ я умираю съ голоду, и мнѣ некуда приклонить мою несчастную голову и успокоить мои изувѣченныя и поломанныя кости.

Наслѣдникъ вызвалъ къ себѣ дежурнаго генерала.

— У васъ все справки, да справки, а между тѣмъ изувѣченный воинъ умираетъ съ голоду. Сытый голоднаго не понимаетъ. Чтобы докладъ былъ сдѣланъ Государю не позже завтрашняго числа. Слышите?

Игнатьевъ, возвратясь домой, послалъ за старшимъ адъютантомъ Дубляновскимъ и началъ жестоко разносить его.

— Помилуйте, ваше превосходительство, я не могу сдѣлать на обумъ доклада: записка капитана Платова не согласуется ни съ однимъ Высочайшимъ приказомъ, и я не могу установить его личности.

— А между тѣмъ Наслѣдникъ изволить гнѣваться и требуетъ, чтобы докладъ Государю былъ сдѣланъ непременно завтра. Но для установленія личности Платова есть самое простое средство: командиръ Апшеронскаго полка въ Петербургѣ, потребуйте его и Платова завтра ко мнѣ въ 10 часовъ утра; они узнаютъ другъ друга, и личность послѣдняго возстановится, а свѣдѣнія о немъ можно вытребовать изъ полка и послѣ.

Дѣйствительно, ничего не могло быть проще. Лубяновскій обѣщалъ это устроить.

На другой день Игнатьевъ вышелъ въ приемную, въ сюртукѣ, безъ вполетъ и аксельбанта, и принялъ командира Апшеронскаго полка.

— Такъ вы не видали еще Платова? спросилъ его дежурный генералъ.

— Горю нетерпѣніемъ скорѣе его увидѣть. Слава Богу, что онъ живъ! У насъ существуетъ общее убѣжденіе, что Шамиль велѣлъ содрать съ него кожу за то, что онъ не хотѣлъ принять Исламъ.

— Вотъ вы сейчасъ увидите его; я нарочно послалъ за вами обоими, чтобы вы у меня встрѣтились.

Вдругъ двери открылись, и вошелъ Платовъ.

— Что, ваше превосходительство? спросилъ онъ заносчиво. Исполнили вы, наконецъ, Высочайшее повелѣніе и волю Государя Наслѣдника?

Командиръ полка не обратилъ вниманія на вошедшаго; послѣдній съ своей стороны не заинтересовался полковымъ командиромъ. Это поразило Игнатьева.

— Вы не узнаете этого штабъ-офицера? спросилъ Платова Игнатьевъ, указывая на командира полка.

— Я его совсѣмъ не знаю.

— Какъ, не знаете вашего полковаго командира? Полковникъ, продолжалъ допрашивать Игнатьевъ: развѣ вы не узнаете капитана Платова?

— Это не Платовъ, отвѣчалъ полковникъ. Платова я зналъ отлично. Капитанъ растерялся и собирался съ отвѣтомъ.

— Кто вы такой? грозно спросилъ Игнатьевъ, подозрѣвая что-то.

— А вы кто такой? въ свою очередь дерзко спросилъ капитанъ.

— Я дежурный генералъ главнаго штаба Его Величества генералъ-адъютантъ Игнатьевъ.

— Я этого не вижу.

— Потому что я безъ эполетъ и аксельбанта? Но я вижу, кто вы такой!... Адъютантъ, войдите сюда.

Платовъ началъ срывать съ себя и бросать на полъ ордена, эполеты, саблю, повязку съ руки и кинжалъ. Попался, нечего дѣлать: я въ вашей власти. Я писарь Харьковскаго гарнизоннаго баталіона, бѣжалъ изъ Кавказскихъ линейныхъ батальоновъ, въ которые былъ сосланъ. Называюсь я Полатовъ.

Вышла поразительная картина.

Полатовъ отправленъ на гауптвахту, а Игнатьевъ поѣхалъ съ докладомъ къ Наслѣднику и къ Государю.

Происшествіе это крѣпко огорчило Его Высочество и разгнѣвало Государя Императора. Его Величество повелѣлъ судить Полатова военнымъ судомъ при образцовомъ пѣхотномъ полку.

На предварительномъ слѣдствіи выяснилось, что Полатовъ злодѣйствуетъ уже давно, что получаетъ пенсію изъ трехъ казначействъ, подъ разными именами и имѣетъ четырехъ женъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ Харьковскомъ гарнизонномъ баталіонѣ онъ былъ судимъ военнымъ судомъ за разные подлоги, за побѣгъ изъ службы и воровство, прогнанъ шпицрутенами сквозъ строй чрезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ и сосланъ въ Кавказскіе линейные баталіоны, откуда нѣсколько лѣтъ назадъ бѣжалъ.

Судъ при образцовомъ полку приговорилъ Полатова къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, прогнанію шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ три раза и къ отдачѣ въ Динабургскія арестантскія роты на двѣнадцать лѣтъ.

Лѣтъ черезъ пять онъ бѣжалъ изъ арестантскихъ ротъ, но былъ пойманъ, прогнанъ сквозъ строй въ третій разъ, черезъ тысячу человѣкъ двоекратно, и умеръ въ Динабургскомъ военномъ госпиталѣ отъ послѣдствій наказанія.

Сиротинушка-дѣвушка.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, лѣтомъ, жена командира Динабургскаго артиллерійскаго гарнизона Наталья Александровна Ламанская прислала просить меня къ себѣ по очень важному дѣлу.

— Вотъ чтò, сказала она мнѣ: вы знаете нашего поручика Громчевскаго? Онъ сейчасъ былъ у меня и разсказалъ слѣдующее. Къ нему явилась молоденькая дѣвушка, назвалась его родственницею и съ рыдніями, и чуть ли не обмороками, передала ему о своемъ несчастіи, которое состояло въ томъ, что она выѣхала на *домикъ* изъ Петербурга, съ какимъ-то Русскимъ извозчикомъ, взявшимся доставить ее въ Варшаву; но на шоссе, между Островомъ и Динабургомъ, онъ ограбилъ ее, отнявъ всѣ деньги, паспортъ и вещи и хотѣлъ убить; но она вымолила себѣ жизнь; злодѣй обезчестилъ ее и бросилъ на дорогѣ, и вотъ она нѣшкомъ доплелась до Динабурга; зная же отъ сестры, живущей въ Варшавѣ, что родственникъ ихъ служитъ въ Динабургѣ, она рѣшилась отыскать его.

— Чтò же тутъ я могу подѣлать? спросилъ я.

— Погодите. *Сиротинушка-дѣвушка*, какъ она себя называетъ, просить Громчевскаго пріютить ее на нѣсколько дней у его знакомыхъ, покуда сестра вышлетъ ей паспортъ и деньги и чтобы до того времени полиція ея не беспокоила. Такъ вотъ чтò: вы человѣкъ вліятельный и находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ съ городничимъ Давыдовымъ. Попросите его, чтобы онъ оставилъ сиротку нѣсколько дней въ покоѣ, до полученія ею документовъ. Между тѣмъ Громчевскій помѣстилъ ее временно у своихъ знакомыхъ, на новомъ форштадтѣ, у Желязовскихъ: тамъ четыре взрослые барышни, которыя приняли въ дѣвущкѣ самое живое участіе. Но не скрою отъ васъ, что Громчевскій совсѣмъ не знаетъ своей гостыи и даже не слышалъ, есть-ли у него родственники въ Варшавѣ? Я посовѣтовала Громчевскому, чтобы онъ завтра привелъ ее къ вамъ, и вотъ предупреждаю васъ объ этомъ.

— Не проходимка-ли какая нибудь?

— Боже сохрани! Громчевскій говоритъ, что она очень несчастна и убита духомъ.

Я обѣщалъ похлопотать о ней у городничаго.

На другой день Громчевскій привелъ ко мнѣ въ канцелярію молодую дѣвущку, красивой наружности, брюнетку, но очень бѣдно одѣ-

тую. Я пригласилъ моихъ гостей садиться, сказавъ дѣвушкамъ, что знаю ея исторію, изготовилъ и далъ ей письмо къ городничему. Тотъ принялъ ее весьма предупредительно и общалъ съ своей стороны всякое содѣйствіе.

Прошло нѣсколько дней. Ванда Громчевская жила у Желязовскихъ, но была постоянно грустна и цѣлыя ночи на пролетъ плакала. Чиновникъ Желязовскій, обезпокоенный этимъ, сказалъ своимъ друзьямъ—именно: доктору Намайловскому, комиссіонеру Юлегину, стряпчему Шостаку и городничему Давыдову, что онъ не знаетъ, что дѣлать съ своею гостью, тѣмъ болѣе, что поручикъ Громчевскій совсѣмъ отъ нея отказывается; между тѣмъ она что-то скрываетъ и, не смотря на всѣ ласки дочерей его, не хочетъ быть съ ними откровенною и только въ отчаяніи заламываетъ руки.

Названныя лица собрались къ Желязовскому и начали успокоивать Ванду Громчевскую; но она только плакала.

Тогда городничій предложилъ ей свои услуги насчетъ истребованія паспорта и денегъ отъ сестры и попросилъ адресъ сей послѣдней. Ванда начала отпѣкиваться и, наконецъ, созналась, что у нея совсѣмъ нѣтъ сестры и *она круглая сирота*.

— Какъ же вы попали въ Петербургъ?

— Я постоянно живу тамъ!

— Вы живете постоянно ... Стало-быть, у васъ тамъ есть родственники или какое нибудь постоянное занятіе?

Ванда опять расплакалась и впала въ истерическое состояніе...

— Я ничего не могу сказать вамъ... скажу только, что я дочь высокопоставленнаго лица въ Петербургѣ.

Посѣтители, видя, что дѣвушка сильно страдаетъ, оставили ее въ покоѣ и рѣшились прійти на другой день.

На утро тѣже рыданія и спазмы. Наконецъ, когда къ ней пристали съ категорическими вопросами, Ванда измѣнила свои показанія и заявила, что она дѣйствительно дочь высокопоставленнаго лица, которое назвать не смѣетъ; но что ее обольстилъ одинъ Англичанинъ, бывший гувернеромъ при оныхъ младшихъ братьяхъ и сестрахъ, увезъ ее изъ Петербурга и на дорогѣ бросилъ.

Не заслуживало уваженія и это показаніе; а потому городничій и стряпчій пристали къ ней съ непремѣннымъ требованіемъ, чтобы Ванда объявила настоящее свое званіе, и присовокупили, что добиваются этого въ ея же интересахъ, потому что сами опишутъ отцу тѣ бѣдствія, которыя переноситъ дочь его на чужбинѣ, живя у добрыхъ людей изъ милости.

Послѣ многихъ слезъ и изворотовъ, Ванда сказала рѣшительно:

— Если такъ, то я вамъ все открою: я дочь министра двора князя Шаховскаго.

— Позвольте! возразилъ ей городничій. У насъ министрами двора были только князь Волконскій, да графъ Адлербергъ; послѣдній состоятъ въ этомъ званіи и донинѣ; князь же Шаховской никогда министромъ не былъ. Вы не искренни.

Ванда опять разрыдалась, опять упала въ обморокъ; сестры Желязовскія унесли ее въ спальню и не дозволили болѣе мучить распросами бѣдную дѣвушку.

По уходѣ городничаго и стряпчаго, добрая г-жа Желязовская начала ласкать Вандочку и просила открыть ей тайну, какая лежитъ у нея на душѣ, обѣщая помочь несчастной отъ всего сердца.

Ванда бросилась на шею старухѣ и, пряча стыдливо лицо на груди ея, созналась со слезами, что она *беременная*.

— Такъ вотъ что, моя душечка! Вы бы давно это сказали. Всѣ ваши страданія, которыя мы видимъ, не могутъ имѣть другой причины!

Она сообщила объ этомъ мужу; мужъ побѣждалъ къ городничему, городничій послалъ городскую акушерку освидѣтельствовать дѣвушку, съ тѣмъ, чтобы она, если окажется возможнымъ, постаралась вырвать отъ Ванды признаніе о дѣйствительномъ ея званіи.

Черезъ часъ акушерка прибѣжала къ городничему, взволнованная, взбѣшенная и накинулась на него:

— Какъ вамъ не стыдно! Въ какое положеніе поставили вы меня, скромную дѣвушку? Кого вы заставили меня свидѣтельствовать? Это мущина, настоящій мущина, въ полномъ смыслѣ слова! Я такъ испугалась, что еще опомниться не могу.

— Чтѣ вы говорите?

— Ей Богу мущина, переодѣтый мущина!

Городничій и стряпчій бросились къ Желязовскимъ съ полицейскими служителями.

Городничій схватилъ мнимую Вандочку за волосы:

— Ты кого вздумалъ тутъ дурачить, каналья? Говори, кто ты такой, или я убью тебя на мѣстѣ.

Самозванецъ, съ рыданіями, бросился въ ноги городничему.

— Ваше высокоблагородіе, я все скажу, помилуйте меня! Я писарь, бѣжалъ изъ Виленскаго писарскаго класса; называюсь Одаховскій. Я раскаялся въ побѣгѣ, хотѣлъ вернуться въ училище, да не зналъ какъ, и вотъ надѣлалъ столько глупостей!

Городничій арестовалъ Одаховскаго и, осмотрѣвъ его сакъ-вояжъ, нашелъ въ немъ: парикъ, косу, локоны, шпильки, бусы,

кружевные воротнички, рукавчики, оборки къ юбкамъ, перчатки, башмаки....

На другой день Одаховскаго, въ солдатской шинели, подъ конвоемъ прислали въ ордонансъ-гаузъ, для отсылки по этапу въ Вильну. Писаря, бывшіе товарищи его по писарскому классу, тотчасъ узнали Одаховскаго и заявили мнѣ, что у него всегда была страсть одѣваться по-женски, и на писарскихъ вечеринкахъ онъ производилъ фуроръ, дурача очень солидныхъ писарей и фельдфебелей.

Въ Вильнѣ Одаховскаго не предавали суду за отлучку, не простиравшуюся далѣе Динабурга, но высѣкли какъ мальчишку и потомъ опредѣлили на службу, безъ всякихъ дурныхъ для него послѣдствій.

Изъ него потомъ вышелъ дѣльный чиновникъ.

За то сколько было хохоту въ Динабургѣ, когда разнеслась эта исторія, надъ тѣми, которые ухаживали за Вандочкою Громчевскою, рассчитывая впослѣдствіи на ея благосклонность и благодарности!

Ихъ безъ церемоніи спрашивали: Какова ручка у Вандочки? Сколько разъ вы ее поцѣловали?

Теобальдъ.

